

Пестрая лента

Плассон, Массне и Щедрин встретились в Москве

Андрей Хрипин

В ожидании уже третьего по счету гергиевско-лужковского Пасхального фестиваля последняя великопостная неделя и сама по себе удалась на музыкальные события – возможно, не стратегические по сути, но интересные. В плане перфекционизма на первое место вышел один из уцелевших символов настоящей французской музыки Мишель Плассон, сыгравший во главе РНО стильную, чисто галльскую программу. Удивительно,

сомневается: да, Муслим Магомаев, но разве это пепец?.. Возможно, это и не показатель, тем более куда как далеко все это от Плассона, но тем не менее. Плассон уникален хотя бы тем, что в своих исполнительских пристрастиях он – абсолютный патриот и играет преимущественно французскую музыку. Возможно, московский концерт маситого мэтра и не стал бог весть каким заоблачным откровением, не открыл нам новых берегов в интерпретации французских вещей, но это была чистая и честная работа великого тради-

В «Лолите» сюжет Набокова перемежается голосами ангелов и гимнами презервативам

но на концертах дирижеров подобного ранга (можно сказать, последних из могикан уходящей породы) в последнее время что-то не наблюдается даже намек на аншлаг (помнящие прошлогодною гас- роль Курта Мазура подтвердят стабильное наличие пустых кресел). Впрочем, чему удивляться? Не знают – не ходят. Что уж там чужие, своих бы не забыть. Вот картинка из небольшого посторонней сферы, но выразительная. Захожу на днях в новенький и довольно большой магазин компакт-дисков. Посмотрев сначала, как и причлиствует музыкальному обозревателю, классику, спрашиваю парней-продавцов: а где у вас тут господа Магомаев, Гулиев и иже с ними? Выясняется, что таких фамилий не знают, правда, один

ционалиста в лучшем смысле этого слова – без шарлатанства. От импрессионистского шельста Дебюсси в «Послепуденном отдыхе фавна» до мощных нарастаний звучности в равелевском Вальсе – везде в Плассоне пленяли легкость и вместе с тем основательность, интуиция, точный расчет и знание. В московской премьере довольно длинной, внезапно начинающейся и так же внезапно заканчивающейся концертной симфонии для гобоя с оркестром Жака Ибера (знаменитого музыкой к фильму «Дон Кихот» с Шалалиным) с артистизмом и сдержанным шармом солировал 25-летний Алексей Огринчук, биография которого заняла в программке в три раза больше места, чем жизнь Плассона. Впрочем, француз принадле-

Независимая - 2001 - 12 апр. - с. 8.

Французский патриот Мишель Плассон любит играть родную музыку.

Фото ИТАР-ТАСС

жит к тем людям, на визитках которых можно ставить только имя и фамилию.

В рамках «Золотой маски» Башкирский театр показал патристическую национальную оперу «Кахым-тури» Загира Исмагилова (вождь и народ во время войны 1812 г.), но по значимости башкир, конечно, обскакали пермяки – Перм-

ский театр, в упор не замечаемый все той же «Маской», привез два режиссерских спектакля Георгия Исаакяна, два раритета – старый и новый «Клеопатру» Массне и «Лолиту» Щедрина. Примечательно, что на показе французской редкости в театре «Новая опера» вкорму был полный – ни единого свободного места. Последний

оперный опус Жюль Массне (1911) опеян привкусом смерти и депрессивной атмосферой, музыка здесь как бы немного устала от жизни, она не так свежа и упоительна, как, например, в популярных «Манион» или «Вертере», а больше напоминает кабинетное уместование высохшего интеллекта. Как ни удивительно, в пар-

тигуре Щедрина (присутствовавшего на московской премьеры «Лолиты» вместе с Майсей Плисецкой) оказалось на несколько порядков «больше музыки» и свежести. Кстати, Большой театр отверг когда-то щедринскую партитуру (написанную в оригинале на шведском языке), и вот теперь ее привезли «чужие». Пермская опера всегда была сильна на актерские личности и часто дарила их столицам. В нынешнем же созвездии пермской труппы сохранились две неугасимые звезды, освещающие грустный философско-поэтический театр Исаакяна (кстати, правнука классика армянской поэзии) светом вечной женственности. Это две Татьяны: Полуэктова (Клеопатра), берущая энергетический реванш в последнем действии, и Куинджи, создающая в роли Лолиты, пожалуй, свою самую гармоничную роль (как говорится, звезды сопали, карты легли). Без этих двух женщин спектакли, наверное, невозможны по определению, хотя дублерши у них, как полагается, есть. Исаакяна привлекают рефлексия и пограничные состояния человека, поэтому «Клеопатра» поставлена как жизнь актрисы сквозь времена и стили, а «Лолита» – тоже как путешествие в поисках утраченного рая. Начиная как извлеченная из саркофага египетская мумия, Клеопатра заканчивает актрисой-невротичкой типа Веры Холодной, умирая в больничной палате под капельницей. В «Лолите», абсолютной постмодернистской, коллажной опере, сюжет Набокова перемежается голосами ангелов, поющих хоралы, и рекламными паузами, когда две сексанильные девицы поют на полутатарском языке гимны презервативам и прочим прелестям индустрии. Но суть, конечно, не в этом. ■